

вытекаетъ изъ монистической точки зрѣнія въ метафизикѣ. Графъ Толстой не касается вопроса о монизмѣ и плюрализмѣ, а остается на почвѣ практической нравственности, гдѣ поставленные имъ вопросы не только не разрѣшены, но и не разрѣшимы.

Жить для себя? — спрашиваетъ онъ:—но моя индивидуальная жизнь есть зло и нелѣпость. Жить для семьи, для общества, для отечества, для всего человѣчества? Но если жизнь моей индивидуальности несчастна и нелѣпа, то то же самое и всякая другая человѣческая индивидуальность и, слѣдовательно, соединеніе безчисленнаго множества индивидуальностей нелѣпныхъ и неразумныхъ никогда не можетъ составить одной жизни счастливой и разумной.

Человѣкъ чувствуетъ себя одинокимъ въ мірѣ предъ этими ужасными вопросами, раздирающими его душу. А между тѣмъ жить надо.

Одно изъ его Я, его индивидуальность, приказываетъ ему жить, но другое Я—его разумъ—говоритъ ему: „жить невозможно“.

Человѣкъ чувствуетъ себя раздвоеннымъ и это раздвоеніе мучительно раздираетъ его душу. А разумъ его кажется ему причиной этого раздвоенія и этого мученія.

Чтобы разрѣшить это противорѣчіе, не прибѣгая къ понятію загробной жизни, которая одна даетъ